

Сергей Прокопьев

**В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ
У РОДА**

16+

Сергей Николаевич ПРОКОПЬЕВ

В семье не без у рода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48818459

SelfPub; 2019

Аннотация

Выражение «в семье не без урода» может иметь иной смысл, чем тот, который обычно вкладываем в него. Достаточно лишь оторвать одну букву от «урода» и всё изменится: в семье не без у рода. Чувствуете? Есть род со своими принципами, традициями, духовной жизнью, но один из его представителей оказался вне этого, по крови да – принадлежит роду, по духу – оторвался от него. В нашей истории прошло более шестидесяти лет, прежде чем стоящий «у рода» духовно соединится с ним. Он не выступал в роли антагониста, не шёл против родственников, но был у рода. О роде, о том, кто оставался рядом, эта повесть.

Содержание

Сергей Прокопьев	4
Два слова от автора	4
Прадед Трофим	7
Дед Лука	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Прокопьев

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ У РОДА

Повесть

Два слова от автора

Я ехал в пригородной маршрутке на литургию. За окном мелькали берёзовые рощи, радующие глаз долгожданной зеленью. Ещё совсем нежной, не набравшей силу. Пасха в этом году ранняя, а весна запоздала на добрые полмесяца. Только-только к Троице берёзы опушились робкой листвой.

В сельский храм ехал по приглашению Алексея Григорова. Его рекомендовал мне знакомый батюшка как человека интересного, много делающего для церкви. Рекомендовал более года назад, но встретиться с Алексеем удалось только две недели назад, зато хорошо поговорили, и вот теперь я ехал в храм, построенный его трудами.

В голове всплыло услышанное от Алексея. Это звучало почти притчей. К архимандриту Кириллу (Павлову), духовнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры, пришли в середине девяностых годов молодые люди. Успешные, активные и обеспокоенные развалом страны. Пришли за советом, благословением. Мужчины были озадачены беспределом, тво-

рящимся в стране: целенаправленным развалом экономики, промышленности, наступлением пошлости, безнравственности, пьянства, наркомании. Спросили у старца: что делать, батюшка? Создавать партию? Боевые отряды? Звать людей на баррикады? А старец говорит: нет, чада мои, вы уже ничего сделать не сможете, настолько всё оккупировано. А как быть, батюшка? – в отчаянии спросили пришедшие. И прозвучал ответ: приводить сограждан к Богу. Должно вырасти поколение православных людей, которые придут во власть, на производство, которые будут противостоять разрушительным силам.

Тут же Алексей прочитал стихи Николая Зиновьева.

Как ликует заграница
И от счастья воеет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени
Помолиться перед боем...

Храм был маленьким. Днём раньше, отвечая на мой вопрос о численности сельского прихода, Алексей сказал:

– У нас так – если пять машин из Омска приехало – значит, полный храм. Деревенские три-четыре человека придут, уже хорошо...

У церкви стояло четыре машины.

В храме пахло ладаном, обшитые светлым деревом стены

создавали впечатление, ты внутри шкатулки. Солнечно написанные иконы усиливали это ощущение.

Мы обнялись с Алексеем. Он был облачён в стихарь – помогал батюшке в алтаре.

Человек двадцать стояло в храме. И он был полным.

В нашей беседе, которая состоялась накануне, Алексей сказал: храм стоит по молитвам его рода, молитвам прадеда Трофима, деда Луки, молитвам мамы, молитвам особо почитаемого им святого Серафима Саровского.

Дед Лука мечтал после войны срубить храм в деревне Речушка, которую спецпоселенцы поставили в архангельских лесах на реке Ёрга. Тогда на краткое время начались послабления в вере, дед надеялся, а вдруг разрешат хотя бы часовенку. Но так получилось, храм, первым в их роду, вместе со своими товарищами поставил под Омском любимый внук – «внучок», как звал его дед.

Вот что рассказал Алексей о своём роде.

Прадед Трофим

Начало нашего рода – прадед Трофим Степанович Григоров, 1869 года рождения. Кто перед ним – неизвестно. Родителей своих Трофим не знал.

В раннем возрасте подобрал сироту помещик Алексей Кожевников. В поминальные записки на проскомидию обязательно вношу раба Божия Алексея. Можно сказать, тоже нашего рода человек. Мог бы запросто сделать из Трофима слугу-прислугу на побегушках – «подай-принеси», «одень-раздень», «барыню спляши»... Помещик дал Трофиму в руки удочку, а не рыбку. Каждый настоящий русский мужик – плотник. Не все искусные, но каждый владел топором. Трофим относился к искусным. И топором играючи тюкал, и рубанок пел в руках... Кроме того, печник, пимокат, полушубки шил... Золотые руки помогли роду выжить, когда угодил в форс-мажор раскулачивания.

Имение помещика Алексея Кожевникова располагалось в селе Костино. Двести сорок километров до Самары по трассе, триста – до Оренбурга. Всё мечтаю съездить, побродить по тем местам. Помещик выделил своему батраку, когда тот повёл под венец девицу Феодосию, земельный надел и деньгами одарил. Отец отводит сыну клин земли, отправляя в самостоятельное плавание, помещик поступил аналогично. Зажил Трофим своим хозяйством. Родилось у него четверо

детей. Сыновей-помощников ждал от Феодосии Трофим, да из сыновей только мой дед Лука появился на свет, остальные дочери – Гликерия, Надежда, Евдокия.

Трофим и с одним сыном хозяйствовал крепко.

В школе я основательно занимался лыжами. Как-то с тренировки прихожу, язык на плече, ни рук, ни ног, упал в изнеможении в кресло, пальцем пошевелить не в силах. Тренировался зверски. До первого разряда дошёл в конечном итоге.

– Дед, – говорю, – набегался в усмерть! Двадцать километров отмахал.

Дед на похвалу никогда жадностью не отличался:

– Молодец! – оценил тренировочное рвение.

И добавил:

– А я, внучок, за плугом по пятьдесят километров в день проходил.

– Да не может быть! – не поверил я. – Свистишь ты, дед, и не морщишься!

– Как не может?!

Дед окончил четыре класса церковно-приходской школы, но с математикой был на ты. До седьмого класса помогал мне задачи решать. Лишь в восьмом сдался, когда подошли к алгебре и геометрии:

– Всё, внучок, моих университетов не хватает. Кумекай сам.

Географию знал лучше меня. Любое государство назову,

тут же выстрелит, где находится – в Африке, Азии или Америке – столицу назовёт, с кем граничит, под какими империалистами-колонистами ходило. Историю, может, не лучше меня знал, но в объёме школьной программы на твёрдую четвёрку. Кроме всего прочего – дед пел хорошо.

– Ты сам посчитай мои километры за плугом.

Дал мне исходные данные: ширину борозды, площадь поля... Я быстренько помножил, разделил и получил сорок девять километров. Столько дед проходил в день, держась за чепиги – ручки плуга. Отправлялся на поле с тремя парами лошадей. В шесть утра начинал вести первую борозду, через пару часов менял лошадей. Кони отдыхали, дед продолжал пахать. Через два часа впрягал третью пару и так дотемна.

Основной доход прадеду Трофиму приносила мельница, зерновые выращивали для собственных нужд. Мельница вальцовая, на три сорта помола. Приобрёл её на паях с товарищем. В паре недолго владели, компаньон заболел и умер, Трофим отдал половину пая вдове и сделался единоличным хозяином. Мельница славилась на всю округу, такого тонкого помола ни у кого поблизости не было. В хозяйстве у Трофима были лошади, верблюды, свиньи, гуси, куры. Как дед говорил: никто поголовье кур-гусей не считал. Количество яиц корзинами мерили. Трофим из костинцев первым оказался в списке на раскулачивание в 1930 году. Не помогло, что его сын, мой дед Лука, служил в Гражданскую в дивизии Чапаева.

Раскулачивали прадеда в три захода. То ли совестливые экспроприаторы попались, то ли аппетит не сразу разыгрался обирать односельчан до нитки... Перво-наперво с мельницы турнули деда комбедовцы: вымётывайся, мироед. «Миро-еда» выгнали, мельница вскоре остановилась, комбедовцам некогда было ею заниматься, да и не умели. На втором этапе раскулачивания Трофима прошлись по сундукам, амбра-рам, кладовым и погребам – подчистили всё, увели большую часть скотины, наконец, в третий на всё оставшееся лапу наложили – дом, надворные постройки, двух лошадей, трёх коров, четырнадцать овец, сельхозинвентарь (этот список фигурирует в решении суда за 1996 год по факту незаконной конфискации). Жил прадед на тот период одним домом с женой Феодосией, пятнадцатилетней дочерью Евдокией и сыном Лукой, моим дедом. У деда была жена Февронья и четверо сыновей, мал мала меньше.

Имущество конфисковали, из дома выгнали, а и этого было мало, вошли в раж преобразователи села – грозили расстрелом. Бабушка Февронья каждый вечер одевала мальчишек-сыновей во всё чистое. Расстрельные акции велись по ночам. Слава Богу, обошлось, не обагрилась чистое бельё кровью. Трофима с семьёй из девяти человек отправили на спецпоселение в Архангельскую область (тогда Северный край), под Котлас, в Черевковский район.

В марте привезли с большой группой таких же горемычных кулаков на берег речки Ёрга. Прямоствольные сосны в

синее мартовское небо упираются, чистейший снег по грудь. Ни домика, ни навесика – девственная природа на многие километры во все стороны света. Дед Лука оказался невольным свидетелем разговора двух охранников. Один другому:

– Надо бы переписать их.

– Да ну время тратить, летом перепишем, кто жив останется.

Отцу моему и двух лет не было (через три месяца исполнилось), его брату Алексею – четыре года, Александру – шесть, Николаю – одиннадцать.

Мужики взялись за топоры, поставили шалаши. Летом отвоевали у леса площадку, стали строить бараки... В зиму вошли в них. В одной комнате селилось по две-три семьи. Не все до первой осени дожили, но наши все. На следующий год спецпоселенцам была дана команда строить восьмиквартирные дома.

Прадеда Трофима быстро вычислили на золоторукость и забрали в районный центр Черевково. Начальство себя не обидит, решило: такой кулак самим пригодится. Одному начальнику печь переложил, тот передавал мастера другому. Складывал печи, катал валенки, шил полушубки, столярничал. Жил практически свободно и неплохо зарабатывал. Имел возможность помогать семье сына Луки. Несколько раз в год проводил гуманитарные операции. Закупал съестное, отпрашивался у начальства и, как правило, в ночь, отправлялся в Речушку, такое название получил посёлок спец-

поселенцев. В начале второй зимы приехал на санях, в которых была мука, крупа, рыба мороженная, а мясо пришло своими ногами. Лошадь, на которой прибыл, тут же забили, зиму кормились кониной. Вся семья у деда Луки выжила.

Была у меня мечта съездить туда на машине. Взять отца, а он до восьмидесяти пяти лет бодрячком был, да не получилось. Видимо, не объять необъятное. Сейчас отцу девяносто, с ним уже в такую даль не отправишься.

Прадед Трофим в 1936 году осенью застудил ноги и от ангины умер.

В Черевково похоронен.

Дед Лука

Прадед Трофим – основа нашего рода. Дед Лука – духовный фундамент. Дед 1899 года рождения, посему Первая мировая война не коснулась его по малолетству. Начало Гражданской в призывном возрасте встретил. В их краях дивизия Василия Ивановича Чапаева промышляла, в её ряды пригнали молодого крестьянина. К своему боевому командиру дед относился с иронией.

– Бандит, если по большому счёту, – характеризовал его.

И над фильмом «Чапаев» с Борисом Бабочкиным в главной роли посмеивался. Перед тем, как деда мобилизовали, нагрянули чапаевцы в Костино за трофеями, не обошли богатое подворье Трофима Степановича, начали рейд по кладовым и амбарам. Сам хозяин был на мельнице вместе с сыном Лукой, жена которого Февронья на тот момент носила во чреве первенца – Николая. Не выдержала наглости, с какой шуровали непрошеные гости, хватая всё, что под руку попадётся, завозмущалась: зачем безобразничаете? На что чапаевец саблю выдернул из ножен, приставил к торчащему животу, угрожающе хохотнул:

– Ткну и кулачонок твой выскочит!

В военном билете у деда значилось: «25-я стрелковая Чапаевская дивизия». А в графе военной специальности – «стрелок». Хотя стрелять не пришлось, служил по хозяй-

ственной части при штабе Чапая.

В этом хозподразделении оказался Божьей милостью. История началась с того, что красные для пополнения своих рedeющих в боях с белыми рядов мобилизовали в Костино группу парней и молодых мужиков. Привели новобранцев в соседнее село, сказали: ждите. И произошла неувязка. Час сидят костинцы на площади перед церковью – никто ими не интересуется, второй изнывают в ожидании... Ну и подумали, что тут попусту высиживать, когда никому не нужны, а дома дел по горло? Горячая пора, они драгоценное время зря тратят. Встали и пошли в Костино. Никто их не окликнул, никто не повернул назад.

Однако ошиблись ребята, опрометчиво посчитав, что Красная армия решила своими силами одолеть беляков. На следующий день чапаевцы снова нагрянули за парнями в Костино. Кто не догадался предусмотрительно улизнуть, во второй раз попали под мобилизацию, причём, в грубой форме на этот раз проводилась – кто пинка из призывников получил, кто подзатыльник, а кого прикладом в спину отметили. Учитывая склонность костинцев к побегу, их прямым ходом пригнали в штаб дивизии.

Ух, разорвался командир, в кабинет которого доставили новобранцев. Знатную устроил трёпку. «Дезертиры» – самое мягкое из слов, которые обрушил грозный командир на головы призывников.

– Мы кровь проливаем за волю и землю, вы под бабски-

ми юбками пригрелись, мать вашу так и разьедак! – топал ногами.

Распекал-распекал, потом схватил со стола клочок бумаги, черкнув резолюцию, скомандовал:

– Шагом марш в шестой кабинет.

Парни быстрей-быстрей выскочили в коридор, пот со лбов вытирают, ничего не скажешь, горячий командир. Ну да ладно, не убудет, главное – пронесло. И тут же столкнулись с односельчанином, Витькой Голубевым, тот состоял при штабе Чапая командиром хоззвода. Витька из бывалых служак, окопного лиха на Первой мировой успел хлебнуть. И в чапаевской дивизии не на последнем счету. Папаха, с красной лентой наискосок, на затылок лихо сбита, на боку кобура с револьвером.

– А вы куда? – спросил земляков.

– В шестой кабинет.

– Какой-какой?

– Шестой!

– Зачем? – удивился Витька.

Ему бумагу протянули. Витька прочитал резолюцию, бумагу в карман сунул и скомандовал:

– В шестой не суйтесь, айда со мной.

Позже скажет, что горячий командир отправил их на расстрел за дезертирство.

Голубев, пользуясь административным ресурсом, оставил земляков при штабе. Воевать им на передовой не пришлось,

были заняты по хозяйственным делам.

В августе-сентябре 1919 года чапаевский штаб находился в станице Лбищенская. Четвёртого сентября Витька Голубев после завтрака отдал распоряжение моему деду: подобрать двенадцать красноармейцев для сопровождения обоза с ранеными в госпиталь.

– Наших возьми, костинцев, – наказал. – Готовьте лошадей, подводы. После обеда тронемся в Уральск.

Чувствовали себя чапаевцы уверенно на землях уральских казаков, в последние месяцы их дивизия знатно потрепала белых, которые после жестоких летних боёв откатились на юг, к Каспийскому морю. Оснащалась дивизия более чем достаточно, даже авиацией располагала – аэропланы имелись, а склады ломились от боеприпасов. Артиллерийские снаряды, винтовки, патроны – всё в преизбыточном количестве. Белые, зализывая раны, затаились, не решаясь переходить к масштабным военным действиям против превосходящего числом и огневой мощью противника. Голубев брал бойцов сопровождения не столько для охраны, сколько для сугубо обозных функций – лошадей обиходить, раненых погрузить-разгрузить.

Четвёртого сентября они сытно отобедали, поместили раненых на телеги и отправились в путь. Его наместили с одним ночлегом, в дневной переход до Уральска не добраться. Километров десять проехали по жаре и встали в деревне, чтобы утром отправиться в пункт назначения.

В три часа ночи в Лбищенск ворвался спецотряд белых численностью в тысячу двести человек, основу которого составляли уральские казаки. Маневр удался. Фактор внезапности сыграл решающую роль. Нападавшие застали врасплох гарнизон и разгромили его полностью. И это притом, что Чапаевцы по численности в три раза превосходили белых. Это была тщательно подготовленная операция возмездия – Чапаев слишком насолил уральским казакам. Два раза до этого ускользал из их рук. Хорошо вооружённый отряд белых совершил стопятидесятикилометровый бросок по голой степи в тыл к красным. Продвигался к Лбищенску скрытно, без боёв, переходы делал ночами – два чапаевских аэроплана-разведчика то и дело днём пролетали над степью.

Обоз с ранеными только-только успел уйти из станицы, дед и его сотоварищи чудом не попали под разезды белых, которые перекрывали дороги, стараясь никого не впускать и не выпускать из Лбищенска. Готовились к ночной атаке.

Чапаевцы-костинцы не слышали боя, мирно спали в соседней деревне. А бой завязался ожесточённый, даже с применением артиллерийских орудий. Спецотряд имел батарею из двух пушек. В Лбищенске погибло в той схватке более полутора тысяч красных бойцов, а сколько их утонуло, переплывая Урал, сколько было изрублено в степи при отступлении. Тяжело раненного Чапаева переправили на другой берег Урала, там и умер.

Ничего этого не знали костинцы, сопровождая раненых.

Лишь в Уральске дошла до них весть о трагедии в Лбищенске.

– Как ты отнёсся к этому? – спрашивал я деда.

– Помолился за убиенных, поблагодарил Бога, что отвёл меня от беды.

Дед служил в чапаевцах с Евангелием в кармане гимнастёрки. В церковно-приходской школе был первым учеником, священник всегда ставил в пример другим. После окончания школы продолжал петь в церковном хоре, помогать священнику в алтаре, за что батюшка одарил активного прихожанина карманным Евангелием 1914 года выпуска. С ним дед прошёл Гражданскую, с ним жил на спецпоселении. В 1984-м, за год до смерти, передал мне. На внутренней стороне обложки сохранилась надпись священника «Благословляю». Ниже фамилия и подпись иерея. Фамилия стёрлась, не разобрать. Дед тоже сделал мне дарственную подпись. Сверху убористый почерк священника, ниже каракули деда. К семидесяти годам он на один глаз полностью ослеп, вторым лишь контуры предметов различал – глаукома.

Я с Евангелием деда не расстаюсь. Оно побывало в Иерусалиме, на Афоне, на Синае, в Дивеево, Ганиной Яме, в Греции, Риме.

В Великую Отечественную войну статус спецпоселенцев не влиял на мобилизацию – ссыльных призывали наряду со всеми. Но и бронь давали нужным в тылу. Дед попал под бронь, участвовал в выпуске стратегической продукции – ра-

ботал в артели по заготовке болванок из карельской берёзы, идущих на приклады для стрелкового оружия. В районе спецпоселения имелось немало болот. Карельская берёза нужной плотности – не колкая, росла в низких местах. Как рассказывал дед, бывало, по колено в воде работали.

– Дед, – спрашивал его, – сапоги выдавали?

– Ты что, внучок, в сапогах проработаешь неделю и по-мрешь.

– Почему?

– Ноги застудишь.

– А ты в чём работал?

– В лаптях.

– Как в лаптях? Мокро ведь.

– Ну и что, черпанул воды, ногу поднял, вода вытекла, а потом на тебе высохнет. В сапоге само по себе не высохнет.

Николай, старший сын деда, рано проявил способности к наукам. Учителя настаивали, дед и сам прекрасно понимал – надо головастому сыну дать образование. Три раза отправлял учиться. Однако спецпоселенцу на пути к наукам ставили шлагбаум – неблагонадёжен, нельзя такого вооружать знаниями. На четвёртый раз всё же проскочил, попал на курсы агрономов, окончил их, но поработать в сельском хозяйстве война помешала. На спецпоселенческую неблагонадёжность, которой глаз кололи Николаю при его попытках поступать в техникум, в военкомате глаза крепко закрыли. Способного к наукам Николая не сразу на фронт бросили, направили в

офицерское училище. Воевал он с 1942-го по 1944 год командиром батареи под Ленинградом. В феврале сорок четвёртого, во время прорыва блокады, получил тяжёлое ранение. Едва ног не лишился. Хирург уже приготовил пилу ампутацию делать, да произошла заминка, после которой другой хирург предложил не торопиться с пилой, пару деньков подождать. Так Николай остался на ногах. Хотя и пользовался костылями, а всё одно какие-никакие, а ноги.

В войну действовало географическое правило: чем легче ранен боец, тем ближе к фронту его лечили. Николай попал в госпиталь в Улан-Удэ. Полгода над ним медики колдовали, подлатали, как могли, а всё одно для армии был негоден – списали подчистую. Под Новосибирском, в Черепанове, жила сестра деда Луки, Николая родная тётя. Туда и поехал фронтовик. Повезло ему не только в отношении ног – целы остались, повезло – в руках была специальность. Сколько молодых парней, ставших инвалидами в войну, мыкались без профессии, не сразу смогли вписаться в мирную жизнь. Николая с радостью взяли агрономом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.